

МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Акройд — блестящий
рассказчик. Его история
Венеции увлекательна
и невероятно
соблазнительна.

THE GUARDIAN

ПИТЕР АКРОЙД ВЕНЕЦИЯ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГИ МОРОЗОВОЙ

Питер Акройд

Венеция. Прекрасный город

«Издательство Ольги Морозовой»

2009

УДК 821.111.3
ББК 84(4Вел)6-44

Акройд П.

Венеция. Прекрасный город / П. Акройд — «Издательство Ольги Морозовой», 2009

Новая книга Питера Акройда – очередное доказательство того, что биография города не менее, а возможно и более увлекательна, чем биография любой знаменитости. Особенно если новым героем исторического расследования Акройда становится Венеция. Самый загадочный и независимый город Италии, бывшая республика, расположенная на ста восемнадцати островах, город, над которым постоянно висит угроза затопления, Акройд описывает в свойственной ему манере документалиста-романтика. Акройд разбирается в том, почему венецианцы так отличаются от остальных жителей Италии, как получилось, что на постоянно подтопляемых островах появились и сохранились сотни произведений искусства, и когда великая империя купцов и художников превратилась в город Казановы, туристов и резиновых сапог.

УДК 821.111.3
ББК 84(4Вел)6-44

© Акройд П., 2009
© Издательство Ольги
Морозовой, 2009

Содержание

I		6
	Глава 1	7
	Глава 2	15
	Глава 3	23
II		26
	Глава 4	27
	Глава 5	30
	Конец ознакомительного фрагмента.	31

Питер Акройд Венеция Прекрасный город

Peter Ackroyd
Venice Pure City

This edition published by arrangement with The Susijn Agency Ltd and Synopsis Literary Agency.

Copyright © Peter Ackroyd, 2009

© Издательство Ольги Морозовой, 2012

© В. Кулагина-Ярцева, перевод, 2012

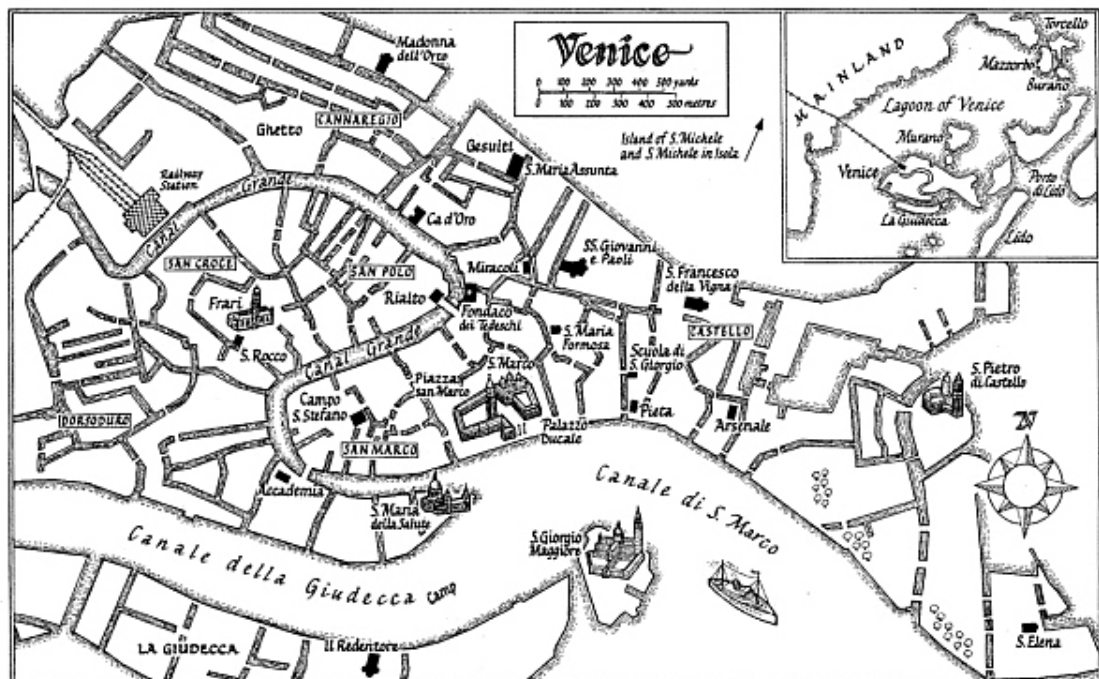
© Н. Кротовская, перевод, 2012

© Г. Шульга, перевод, 2012

© А. Бондаренко, оформление, 2012

* * *

Посвящается Элисон Сэмьюэл

I Город на море

Глава 1

Начала

Они добрались до этих отдаленных безлюдных вод. Они приплыли на плоскодонных судах, старательно избегая мелей. Спасаясь от варварских племен с Севера и с Востока, они оставили далеко позади свои города или селения. Так они оказались в диком месте, в широкой неглубокой лагуне, в которой смешивались пресная вода материковых рек и соленая вода Адриатики. При отливе обнажался берег моря, изрезанный ручьями, речками и небольшими проливами; во время прилива были видны наносные островки, покрытые болотной травой. Мелководья поросли камышом и дикими травами, невысоко поднимавшимися над поверхностью. Иногда при отливе показывались обычно затопленные клочки суши. Пустынные болота вода заливала лишь изредка. Эти соленые болота и берег, казалось из отдаления, образуют широкое пространство, испещренное прудами и островками. Топи, до которых не доходил прибой, были так же темны и неприветливы, как воды. Линия поросших сосновыми лесами островов, состоящих из песка и речных наносов, защищала лагуну со стороны моря.

Несмотря на то что лагуна находилась недалеко от некогда важных центров римской цивилизации, она была пустынной и изолированной. Тишину нарушали только крики птиц, рокот морских валов да звук ветра, шелестевшего в камышах. Ночью здесь царила тьма, луна освещала лишь неугомонные волны. Но при дневном свете, когда изгнанники прибыли сюда, море тянулось туманной линией, а покрытое облаками небо будто отражало серебристую рябь воды.

Со всех сторон их заливал свет. Они нашли остров. И голос, подобный шуму многих вод, велел им построить церковь на обретенной земле.

Это одна из историй о началах, которую рассказывали венецианцы.

Лагуна представляла собой нечто неопределенное – не землю и не море. Она простиралась примерно на пятьдесят шесть километров в длину и одиннадцать километров в ширину вдоль берега Северо-Восточной Италии и имела форму полумесяца. Она возникла около шести тысяч лет назад из ила, наносов и мусора, принесенного в Адриатику семью реками. Главные из них – Brenta, Sile и Piave – несли все это с Альп и Апеннин; в один прекрасный день из крошечных частиц мусора с гор возник каменный город. Болота, топи и заливаемый приливом берег были защищены с моря длинным и узким песчаным барьером, разделенным на острова несколькими проливами; самый длинный из этих островов ныне известен как Лидо. Проливы проделали в барьере *porti* (выходы), через которые море устремляется в лагуну. Сейчас существуют три *porti* – в Лидо, Маламокко и Кьодже. Проливы вдыхают в Венецию жизнь.

Это всегда разное, нестабильное место – частично ил, частично песок, частично глина; всегда зыбкое и движущееся, оно меняется под воздействием приливов. Вот почему внешний вид лагуны меняется. Существует теория относительно того, что в VI–VII веках лагуна представляла собой по сути болото, во время прилива покрытое водой. В XIX веке, по словам Джона Рёскина, во время отлива иногда казалось, что Венеция покоится на просторной равнине темно-зеленых водорослей. Лагуна превратилась бы в сушу пятьсот лет назад, если бы не вмешательство венецианцев. Лагуна сейчас – просто другая часть Венеции, другая часть города, ни суша, ни море. Но Венеция потихоньку возвращается в море. Вода становится все глубже и солонее. Это опасное место. Святой Христофор, переносящий младенца Христа через реку, был когда-то одним из самых почитаемых святых города.

В лагуне всегда кто-то жил, ведь и дикие места бывают изобильными. С самых ранних времен здесь были небольшие зоны обитания людей – рыбаков и охотников, привлеченных пернатой дичью, дарами моря, в частности осенним движением рыб из рек в море. Болота слу-

жили природным источником для сбора соли. А она была ценным продуктом. Венецианцы всегда славились умением торговать, но торговая активность на этой земле началась даже прежде, чем сюда прибыли их предки.

Следы древних племен теряются в доисторическом мраке. Но первые опознаваемые предки венецианцев заселяли регион, окружающий лагуну, с VIII века до н. э. Это были люди, жившие в северо-восточной части Италии и вдоль берегов современной Словении и Хорватии. Они были известны как венеты; Гомер называет их *Enetoi*, потому что в греческом не было звука *v*. Они были главным образом купцами, какими станут и венецианцы, торговали янтарем и воском, медом и сыром. Они устраивали большие рынки, как те, что в конце концов создадут венецианцы. Они торговали с Грецией, как впоследствии Венеция – с Византией и Востоком. Они добывали соль в прибрежных районах, в какой-то мере предвосхищая монополию венецианцев на производство этого продукта.

Они одевались в черное, этот цвет станет отличительным в одежде венецианских аристократов. Племенным героем венетов был Геркулес, он стал легендарным защитником Венеции. Он – полубог, который трудами добился того, на что другие претендовали по праву. Венеты возводили свою родословную к Антенору, который вывел их из разрушенной Трои. Они были известны мореходным искусством. В брачных и семейных делах они подчинялись авторитету государства. Эти люди населяли города Падуя, Альтино, Аквилею и Градо.

До бегства венеты были романизованы. Ко II веку н. э. они заключили договор с римскими властями. Во времена Августа регион лагуны был частью Десятого округа Италии и в IV веке стал частью Восточной Римской империи, Византийской империи. Лагуна уже была частично заселена. На одном из островов, Сан-Франческо дель Дезерто, найдены руины римского порта с керамикой I века и стенная штукатурка III века.

Порт, несомненно, использовался кораблями, совершавшими рейсы между Аквилеей и Равенной, привозившими зерно из Паннонии и товары и продовольствие с более дальних берегов. Там были найдены амфоры для перевозки вина и оливкового масла из Восточного Средиземноморья. Большие корабли причаливали к острову, доставленные ими товары затем переправлялись на меньших кораблях на отмели лагуны. Поэтому здесь должны были быть местные лодчаны, проводившие груз по мелкой воде. Под четвертым нефом базилики Санта-Марии дель Ассунты на острове Торчелло был обнаружен проход, относящийся ко II веку н. э. На большой глубине на острове Сан-Джорджо Маджоре найдены римские развалины, а на меньших островах обнаружен археологический материал I и II веков. Находки на других островах могут быть отнесены к IV–VII векам. Существует предположение, что внешние острова лагуны могли использоваться как стоянка римского флота; возможно, там соорудили виллы.

Но, когда изгнанников с материка становилось все больше, в природе лагуны произошли кардинальные изменения. Это не был массовый исход, скорее следующие одна за другой волны миграции, достигшие наивысшей точки в конце VI века. Тогда венеты бежали от захватчиков. В 403 году Аларих, вождь вестготов, напал на провинцию Венеция; по словам римского историка Клавдиана, «разнеслась молва о походе варваров и наполнила эту землю ужасом». Аквилея и Верона пали, множество их жителей в поисках безопасности уехали на острова. Когда угроза миновала, многие вернулись домой. Но часть осталась строить новую жизнь в лагуне. В 446 году Атила захватил римские провинции от Дуная до Балкан, а затем, шесть лет спустя, взял Аквилею. Альтино и Падуя тоже были разграблены. От этих бедствий беглецы снова спасались в лагуне.

Они перемещались по определенной схеме. К примеру, жители Альтино переселялись на Торчелло и Бурано, а горожане из Тревизо бежали на Риальто и Маламокко. Падуанцы уплывали на Кьоджу. Жители Аквилеи переселялись в защищенный болотами Градо. Приезжали со своими ремесленниками и строителями, с крестьянами и поденщиками, с патрициями и

плебеями; привозили священные сосуды из своих церквей и даже камни своих общественных зданий, чтобы их можно было построить заново.

Но как могли строить на такой ненадежной земле? Как могли строить на тине и воде? Это становилось возможно, потому что в ил забивали деревянные сваи от трех до трех с половиной метров высотой, пока они не достигали слоя более твердой глины и плотного песка, подходящих в качестве основания. Это была «граница» на дне лагуны. Так возникли бревенчатые *casoni* (маленькие дома) с камышовыми покатыми крышами.

На краю лагуны основали новые города – Гераклею и Эквилио (Езоло). На островах образовывались деревенские общины, главы которых держали совет с собранием жителей.

Венеты воздвигали укрепленные лагеря на случай, если гунны или готы решат двинуться на них.

Островитяне были неуживчивы и соперничали друг с другом; в лагунах не было единства. И вот, в 466 году в Градо, двадцать лет спустя после появления Атиллы, состоялось собрание венетов лагуны. Было решено, что каждый остров будет представлен трибуном и что трибуны будут работать вместе для общего блага. Ведь они сталкивались с одними и теми же опасностями и трудностями – не в последнюю очередь, с набегами моря. Это было первое проявление публичного и общинного духа, который впоследствии ясно проявится в Венеции.

К VI веку присутствие венетов в этом регионе стало определяющим. Им платили за перевоз людей и товаров между портами и гаванями материка. Они переправляли византийских солдат из Градо до реки Бренцы. Отвозили чиновников и купцов в Византию. Уже тогда они были известны мореходным искусством. Их суда поднимались по рекам Северной Италии, по пути торгуя солью и рыбой в городах и деревнях.

Первое описание этих островных жителей встречается в письме, отправленном в 523 году их трибунам от легата Остготского королевства, господствовавшего в то время в Северной Италии. Кассиодор просил их перевезти водным путем в Равенну вино и растительное масло. «Ибо живете вы подобно птицам морским, – писал он, – и дома ваши на водной глади подобны Кикладам. Лишь ивы и плетни не позволяют распасться земле, на которой они стоят; и все же вы дерзаете противопоставить непрочный этот оплот бурному морю. У вашего народа есть огромное богатство – рыба, которой с избытком хватает на всех. Вы не различаете богатых и бедных; пища у всех одинакова, дома похожи». Он был не совсем точен в описании, дома иногда уже строились из камня и кирпича с материка. Дошедшие до нас данные свидетельствуют и о том, что даже на ранней стадии освоения лагуны там были и богатые, и бедные семьи.

Кассиодор замечает: «Все силы свои вы тратите на добычу соли, и именно в ней таится секрет вашего процветания». В этом он, безусловно, прав. Он добавляет значимую деталь: суда, «которые вы, словно лошадей, привязываете к порогу своего дома». По счастливой случайности одно из таких судов извлечено из ила лагуны. Шпангоут частично сделан из дуба, а корпус из липы, судно было найдено на острове Сан-Франческо дель Дезерто; судно датируется V веком. Оно лежало на уровне, который в тот период находился под водой, за исключением времени отлива.

Но Венеция как таковая еще не родилась. Ее нет на карте IV века, на ней лагуна изображена как ненаселенный морской район. Венецианские историки, однако, утверждают, что город был основан в полдень 25 марта 421 года бедным рыбаком Джованни Боно, или Джованни Добрым. У этой теории есть преимущества, так как она сближает три даты – день весеннего равноденствия, Благовещение и предполагаемую дату основания Рима. Тройное совпадение, так же как и своевременное появление Джованни Боно, слишком хорошо, чтобы быть правдой, но это часть необычайной способности венецианцев вытеснять историю мифом. Поэт Райнер Мария Рильке, посетив город в 1920 году, сказал: «Так же, как человек не может ничего схватить в зеркале, но только погружается в тайну его неуловимости, здесь тебя целый день наполняют образы, но ты не можешь воплотить ни один из них. Венеция – это вопрос веры».

На самом деле Венеция возникла век спустя, в конце 560-х – начале 570-х годов, после ряда вторжений ломбардцев. Еще раз провинция Венеция была побеждена чужими племенами. Однако в отличие от гуннов они не собирались уезжать с награбленным. Они хотели остаться здесь. Они заняли область, которая сейчас называется Ломбардией. Их вторжение вызвало массовый исход венетов. Епископ Аквилеи перенес свой престол в Градо, на край лагуны. Епископ Падуи переместился на Маламокко, а епископ Одерцо уплыл в Гераклею. Эти люди были как светскими, так и религиозными лидерами, чтобы создавать новые общины на воде, им были нужны и граждане, и прихожане. Бурано и Мурано, Аммиана и Констанциака застраивались быстро. Правда, Аммиана и Констанциака исчезли в волнах в XIII веке, поглощенные главным врагом островитян, которые без устали сражались с морем.

Венеция родилась в процессе этого бегства от ломбардцев. Согласно последним археологическим исследованиям первые признаки человеческого обитания датируются второй половиной VI века – VII веком; эти находки обнаружены неподалеку от Кастелло, к востоку от города, и под площадью Святого Марка. Это также свидетельство того, что в те давние годы сперва поднимали уровень поверхности земли и осушали почву. Чтобы противостоять морю, поселенцы ограждали землю скрепленными между собою деревянными столбами, отводили воду, клали булыжник, или осадочные породы, или песок с дюн. Это и было начало города.

Изгнанники выбрали группу островов на середине лагуны под общим названием Ривоальто, или Высокий берег, которая в конце концов превратилась в Риальто, замечательную рыночную площадь и торговый центр города. По островам текли ручьи и потоки, но была и большая река, приток Brentы – Ривоальтус, который со временем превратился в Большой канал, и еще два мощных холма или острова – их определение зависит только от того, как вы рассматриваете природу территории, – обращенные друг к другу по течению этой реки. Вот там и возникла Венеция. Это была земля, на которой изгнанники могли строить.

Работа была нелегкой. Есть свидетельства о катастрофических затоплениях в 589 году во всем этом районе, настолько сильных, что течение некоторых рек повернуло вспять. Бедствие изменило водную структуру лагуны, но его воздействие на возникновение Венеции невозможно проследить.

Венеция не сразу стала самым значительным городом лагуны. В Градо находился Патриарх, Торчелло был большим торговым центром, или рынком этого региона. Герцог переехал из Эраклеи на Маламокко. В тот период, когда Венеция только строилась, в других городах уже существовали здания сложной архитектуры. На Торчелло строилась базилика Санта-Марии дель Ассунты. Надпись, датированная 639 годом, подтверждает, что этот собор воздвигнут в контексте византийской традиции и богослужения.

Связь с Византией знаменательна. Историографы Венеции настаивают на том, что с самого начала венецианцы отстаивали независимость. Существует легенда об их предводителях, которые сказали византийскому послу: «Сам Бог охранял нас, так что мы могли жить на этих мокрых болотах, в хижинах из бревен и прутьев. Поэтому воздвигнутая нами в лагуне новая Венеция стала нашим могущественным городом». Их не могли тронуть ни короли, ни князья, «если они не приплывают по морю», в чем и кроется сила венецианцев. Это чистейшее мифотворчество. Вначале венецианцы были зависимы. Даже в языке древних венецианцев заметна примесь греческого, и не далее как в прошлом веке в диалекте жителей острова Бурано сохранялись греко-римские элементы.

Существуют разногласия относительно даты, когда *dux* (военачальник лагуны, предводитель) был назначен византийцами: по всей вероятности, это произошло в начале VIII века. Венецианцы придерживались мнения, что он был избран островитянами, но нет сомнений в том, что этот герцог, или дож, находился в подчинении у византийского императора. Назначение военачальника само по себе не принесло согласия в лагуну; ранние века были полны

кровавопролитных схваток между островами или отдельными семьями; существуют сообщения о гражданской войне, длившейся в течение VIII века, о битвах в лесах, окружающих лагуну, о дожах, которых ослепляли, либо убивали, либо отправляли в изгнание. Однако это политическое устройство пережило начальный кризис; дожи правили в Венеции более тысячи лет, сто двадцать дождей в непрерывной последовательности.

Венеция состоит из ста восемнадцати островов, которые в результате упорного труда были соединены. Поначалу существовали разрозненные островные церковные приходы, одни из них управлялись монастырями, другие – маленькими общинами, к примеру, рыбаков или солеваров. Были общины кораблестроителей. Эти общины группировались вокруг церкви и *campanile* (колокольни); зеленая лужайка, или пространство перед церковью, была и до сих пор известна как *campo* (поле, площадь). На *campo* находился колодец или водоем с пресной водой, наполнявшийся частыми дождями. Дома были, как правило, деревянные, с камышовыми крышами, хотя жилища видных горожан уже строили из кирпича и крыли черепицей. Некоторыми островами управляли бежавшие с материка влиятельные семьи, которые взяли с собой слуг, чтобы возделывать сады и виноградники; семейства Орио и Градениго, к примеру, контролировали остров Сан-Джованни ди Риальто. У каждого острова был святой покровитель.

Островные приходы отделялись один от другого болотом или водой, но для связи между ними были установлены водные пути.

Уже существовал образец жилища, постепенно становящегося все более определенным и разработанным.

Очередное вторжение способствовало объединению. В 810 году Пипин, сын Карла Великого, привел войска в лагуну, чтобы заявить на нее права Империи франков. Он попытался штурмовать усадьбу дожа на Маламокко. Дож бежал на острова Ривоальто за защитой. Говорят, что Пипин пустился в погоню, но его флот завяз в болотах, ему помешала убывающая с отливом вода; что он соорудил плоты из бревен, а венецианские моряки их разрушили; что одна местная старушка направила их через опасные мели с древним венецианским наказом: *sempre diritto* (прямо, никуда не сворачивая). Здесь безошибочно просматривается намек на армию фараона, которую поглотило Красное море, аналогия, на которой в будущем сосредоточат внимание венецианские художники. Каковы бы ни были истинные обстоятельства поражения, Пипин был вынужден отказаться от своей миссии.

Таким образом, место, куда бежал дож – Венеция, – доказало, что оно безопасно. Укрытое среди болот, оно было неприкосновенно. С моря его защищали острова, а от материка отделяла вода.

После этого вторжения франков местопребыванием дожа стала Венеция. Она сделалась центром лагуны. Город начал свою большую карьеру.

Он процветал в уединении. В договоре 814 года было достигнуто согласие относительно того, что Венеция останется провинцией под управлением Византии, но что она будет также платить ежегодную дань королю франков, чей трон в то время находился в Италии. Это может показаться двойными обязательствами, но на деле договор освободил Венецию от безраздельного господства чужаков. Теперь она находилась между франками и византийцами, между Западом и Востоком, между католичеством и православием; срединное положение Венеции позволяло ей следовать изменчивым курсом, иногда склоняясь в одну сторону, иногда – в другую. Это также провоцировало множество разногласий среди правящих семейств лагуны, зависящих от разных партий на материке и в Восточной империи и преданных им.

Тем не менее положение Венеции эффективно обеспечивало ее независимость. Одна из статей договора 814 года разрешала венецианским купеческим судам свободно заходить в порты Италии и покидать их. Иными словами – венецианцы могли торговать. Могли перемещаться между Востоком и Западом. Венеция стала по преимуществу городом купцов.

Она быстро росла. Множество обитателей лагуны вскоре переселились на островки вокруг Ривоальто. К концу IX века существовало около тридцати островных приходов, ближе к 1000 году их стало более пятидесяти; результат пожара в 976 году, когда сгорели и пострадали триста домов, свидетельствует о том, что место было густо заселено. Церковные приходы, сгруппированные вокруг Ривоальто, теперь были соединены мостами или каналами. Крепостные валы были воздвигнуты, болота осушены, сточные каналы проложены, топи распаханы, земли удобрены. Несколько главных улиц, уцелевших до сих пор, были распланированы, тротуары замощены. Были сооружены пристани, одни из них были общественными, а другие – частными. Возведенные дамбы мешали речным наносам попадать в лагуну. Было налажено паромное сообщение. Венеция превратилась в поселившееся на иле и воде характерное для города скопление людей, напряженное и мощное. Город возник в результате огромного индивидуального и общинного усилия, вызванного необходимостью и практичностью. Там всегда присутствовала цель общинного существования: желание возделывать или удобрить почву, отводить воду, объединить и защитить общественную землю.

Венеция в IX и X веках была средневековым городом, в котором свиньи бродили по улицам, а пастбища и сады чередовались с домами и церквями. Здесь были районы с названиями На Болоте, или В Зарослях, или В Водорослях. Горожане ездили верхом по главной улице, *Merceria* (потом она станет торговой улицей), привязывали лошадей к большим старым деревьям, которые росли там, где теперь площадь Сан-Марко (или просто *piazza* – площадь). Плоские деревянные мосты без ступенек соединяли острова. По берегам каналов росли деревья. На окружающих островах раскинулись луга, где паслись стада крупного рогатого скота и овец; там были виноградники и фруктовые сады, пруды и маленькие озера. На центральных островах, которые постепенно соединяли, были дворики и *calli* (узкие улочки), определившие неповторимую схему Венеции. Перед каменными домами и даже перед более бедными – деревянными с камышовыми крышами, были небольшие участки земли, которые впоследствии превратились в идущие вдоль каналов, *fondamenta* (своего рода тротуары и набережные) зрелого города.

К концу первой четверти IX века пространство вокруг того, что сейчас представляет собой площадь Святого Марка, сложилось. Там стоял Дворец дождей с большой герцогской церковью, посвященной византийскому Святому Теодору. Самые влиятельные семьи тоже строили себе здесь дома, чтобы быть ближе к средоточию власти. В результате расчистили поля, уступившие место *piazza*, большой пруд с рыбой засыпали – образовалась *piazzetta*, небольшая площадь перед Дворцом дождей. Эта дуополия сакральной и светской власти держалась здесь более тысячи лет.

Вплоть до XIII века город не назывался Венецией. Этот регион лагуны был известен как Венето или *Venetia*. Латинское название Венеции всегда было *Venetiae*, таким образом, отмечено ее начало как объединение островов или городов. Существует девятнадцать различных названий, от *Venegia* до *Venexia*, что подтверждает множественную идентичность города. Название Венеция, *Venice*, можно интерпретировать также как слово-гибрид, в котором сочетаются *Venus* и *ice* (лед).

У Венеции нет единственного или определенного начала. Города итальянского материка были основаны в доисторическую эпоху, их территория очерчивалась их кладбищами и была защищена стеной. Они росли естественным образом из традиционного центра к разрастающимся окраинам. Почитание города связано с почитанием места и почитанием умерших, преданных там земле. Самые ранние города первобытны по происхождению. У Венеции с самого начала не было периметра. Не было очертания. Она слилась в одно целое из сотни различных пунктов. Венеция в буквальном смысле не имеет корней. У нее действительно текучее основание. Она ненадежно расположена в мире. Вот почему она всегда вызывала тревогу, как у сегодняшней группы британских архитекторов «Венеция в опасности».

Венеция стремилась определить себя. Пыталась найти свои начала. Чувствовала себя обязанной открыть скрытое или обнаружить отсутствующее начало. Макиавелли писал, что «начала религий, республик или королевств должны обладать некоей добродетелью, благодаря которой они заслуживают свою начальную репутацию и начальное развитие». Эта проблема стояла перед венецианцами.

В этом смысле они не обладали добродетелью. Поэтому придумывали истории о происхождении, в каждой из которых был в какой-то мере явлен Божий промысел – к примеру, якобы исторический факт, что венецианцы были христианскими беглецами, спасавшимися от вторжения язычников. На полу собора Санта-Мария делла Салюте вырезана надпись: *Unde origo inde salus* (Откуда (Венеция) произошла, оттуда пришло спасение). Так создавались изящные и сложные легенды о возникновении города. Их не следует отвергать. Легенды представляют собой самую раннюю форму поэзии. Венеция – город легенд, в частности, религиозных потому что она всегда была городом чудес.

Жители Альтино колебались, куда бежать от язычников, пока не услышали голос с небес, провозглашающий: «Поднимитесь на башню и взгляните на звезды». Взобравшись на башню, они увидели, что отражение звезд в воде показывает дорогу к островам лагуны. В другом варианте этой истории жителям довелось видеть, как все птицы этих мест, держа птенцов в клювах, летят к островам. Голос из светлого облака, взывающий к беглецам, плывущим на кораблях, был слышен в начале этой главы. Восемь самых ранних церквей Венеции были возведены по Божественному повелению. Святому Магнусу в видении было велено построить церковь там, где он увидит стадо овец, этим местом оказалось Каstellо. Дева Мария появлялась в сияющем облаке, возвещая возведение церкви Санта-Мария Формоза. Большая стая птиц выбрала место для церкви Сан-Рафаэль. Красное облако парило там, где затем была построена церковь Сан-Сальваторе у моста Риальто. Существовали и другие, более мирские легенды относительно того, что предками венецианцев были римляне или даже троянцы, но к ним тоже можно относиться скептически. Эти легенды, как и сама Венеция, не имеют оснований.

Город был построен на воде по небесному повелению. Само по себе чудо – строить на море. И Венеция стала городом чудес. Это было предназначенное, ниспосланное Провидением место. В венецианских хрониках возникает великий, сияющий образ города. Венеция стала частью истории человеческого спасения. Ее Божественное происхождение подтверждается ее совершенной архитектурой, видимой миру тысячу лет, и даже ее торговым превосходством. На полотнах венецианских художников Бог-Отец и Святой Дух распоряжаются на площади Святого Марка. На мосту Риальто вырезаны фигуры архангела Гавриила и Девы Марии в момент Благовещения. Венеция идеализирована, невзирая на любые исторические факты или бесславные эпизоды.

Но настоящие начала Венеции, редкие и разбросанные, сообщают великую истину об этом городе. Они обнаруживают некоторые характеристики, или некоторые качества жизни здесь. Все сущее хочет дать форму и выражение собственной натуре; таким образом, через смутные предчувствия и слияние общинных желаний Венеция обрела форму. В мраморе таится статуя. У венецианцев не было собственной культивируемой земли, они были вынуждены зарабатывать на жизнь торговлей и промышленностью. Город, который представлял собой наполовину землю, а наполовину воду, разработал свое смешанное устройство, в котором были уравновешены различные силы государства. Постоянной заботой всех районов общины были стабильность и преемственность. Где эти качества более необходимы, чем в изменчивом и непостоянном месте? Город, построенный изгнанниками, спустя столетия стал домом для беженцев всех мастей. Его заморские владения, его набеги на материковую Италию были обусловлены необходимостью самосохранения. Венеция всегда полагала себя городом под угрозой. Этот город возник не из союза крестьян, он был городом изначально. Венеция

не была в своем младенчестве феодальным обществом. К X веку она уже была известна как *la civitas Rivoalti* (город Ривоальто).

Однако важнейшим и продолжительнейшим фактором была борьба с морем. Из нее возникла необходимость общей цели и общественных усилий. Здесь не существовало антагонизма между индивидуальным и коллективным, или скорее отдельные венецианцы в течение веков включили себя в единый организм, который, как и человеческий организм, следует рассматривать как целое. Он повинуетя собственным законам роста и перемен. Он обладает внутренним динамизмом. Он является чем-то большим, чем сумма его частей. Каждый аспект венецианской культуры и венецианского общества отражает целое.

Начиная с IX века в Венеции назначались трое представителей, чтобы осуществлять надзор за защитой и мелиорацией земли. В конце концов возникла бюрократия для контроля над вторжением моря. С самого начала Венеция подвергалась вторжению моря. Самая древняя защита состояла в скрепленных между собою деревянных столбах; позднее реки отводили в другое русло, а в качестве защиты от воды возводили мощные каменные стены.

Без сотрудничества соседа с соседом или общины с общиной нельзя было ни осушить землю, ни присоединить остров. Дамбы нельзя было построить, если община не руководствовалась общими интересами. Таким образом, венецианцами с самого начала владела мысль об общинной жизни. Они создали первый общественный дворец и первый городской сквер в Италии. Венеция, возможно, была первым городом в Европе, который извлек выгоду из того, что называлось градостроительством, с продуманным зонированием промышленной и хозяйственной деятельности по периферии города. Все это было частью поисков общего блага. Борьба против природных препятствий есть борьба за человеческую культуру и усовершенствование. Она требует огромной сплоченности и социальной дисциплины, которые лучше всего поддерживаются соблюдением религиозной обрядности. Так возникает концепция государства как Божественного замысла.

Но мы не должны забывать о характере и темпераменте ранних поселенцев. Их работа была тяжелой и непрерывной и не могла осуществляться без большой затраты энергии и оптимизма. Таковы, или такими были, отличительные качества жителей Венеции. Они гордятся, или гордились, своим городом. Это одна из черт, подмеченных путешественниками. Но природа иногда мстит тем, кто пытается обуздать ее. Часть островов лагуны поглотило подступившее море, поселения исчезли или были оставлены. Венецианцы никогда не забывали об угрозе бедствия.

Глава 2

Вода, вода кругом

До постройки железнодорожного моста в середине XIX века Венеция была маленьким островом или группой островов. Венецианцы были островитянами, со всеми преимуществами и тяготами, которые приносит этот статус. Быть островитянином – значит быть независимым, но это же означает быть одиноким. Это обеспечивает безопасность, но в то же время привлекает внимание жителей материка. Это увеличивает уязвимость даже при кажущихся благоприятными внешних обстоятельствах. Однако в качестве островного города Венеция пережила все войны и вторжения, обрушивавшиеся на Италию начиная с XI века; она с успехом сопротивлялась Папе и императору, вторжениям французов и испанцев и набегам других городов-государств Италии. Не будь она окружена водой, ее разрушили бы много столетий назад.

Но эта отдельность от материка, от Италии и мира, нанесла городу тяжелый ущерб. Хотя Венеция была частью Италии с 1866 года, Италия по большей части игнорировала ее. Венецию так или иначе считали чуждой. Итальянцы в действительности вообще не думали о Венеции, она принадлежала какому-то другому миру – не то фантазий, не то притворства.

В венецианцах же традиция свободы и отсутствие страха перед вторжением породили некую беззаботность. Возможно, остров гарантировал горожанам их самодостаточность, но и поощрял некое замкнутое на себя или определяемое только самим собой отношение к остальному миру. До сих пор в Венеции легко стать безразличным к тому, что случается где-либо еще. Венецианцы не слишком интересовались чужими делами. Из-за удаленности и изоляции иногда возникает меланхолия. Венеция – больше не остров, но островной темперамент сохранился.

И, конечно, островитяне должны всегда наблюдать за морем. Это их контекст. Их горизонт. Где бы они были без моря? Город покоится на наносах на дне моря. Он такая же часть моря, как приливы или волны. Море между деревянными сваями, на которых он стоит. Море под ним. Венецианской атмосфере изначально присуще что-то тревожное. Соль в воздухе, туманная от испарений атмосфера. Дымка легко превращается в морской туман. Воздух, кажется, плавится над домами. Соль и сырость оставляют серебристые следы на беленых стенах, делая их похожими на перламутровые. Летящие над городом птицы – морские чайки. А рядом в каналах плавают морские водоросли.

Таковы образы моря в Венеции. Пол базилики Святого Марка слегка волнистый, словно прихожане бредут по волнам. Мраморные плиты, которыми выложена центральная крестообразная часть этого собора в XVI веке, были известны как *il mare* (море). Мраморные колонны собора с прожилками, струйчатые, будто волны. В других церквях города можно отметить популярность «капителей с дельфинами» и мотив ракушки. Джон Рёскин описывает внушительные дома вдоль Большого канала как «морские дворцы». На картах Венеции, в частности XVII и XVIII веков, очертания города напоминают рыбу или дельфина. Острова и песчаные отмели, на которых была построена Венеция, казались первым поселенцам *dorsi* (спинами) спящих китов; один из районов Венеции до сих пор называется Дорсодуро (Крепкая спина). Наверху одной из двух царящих над *piazzetta* колонн Святой Теодор стоит на спине крокодила. На капителях во Дворце дождей изображены крабы и дельфины. Кажется, никто не удивился бы, увидев левиафана, или тех, кого Герман Мелвилл в «Моби Дике» (1851) называет «странными тенями обитателей первозданных времен», плывающих в период *acqua alta* (время высокой воды, прилива) на площадь Святого Марка, или плывущего в Большом канале огромного полипа или медузу. Это город моря.

Первое впечатление о Венеции тоже морское. Гете увидел море первый раз в жизни, когда приехал в этот город осенью 1786 года; он бросил взгляд на Адриатику из сводчатого

окна колокольни на площади Святого Марка. Рёскин прибыл в Венецию лет на пятьдесят пять позже. В автобиографии он пишет, что «прежде всего увидел нос гондолы, просунувшийся в дверь отеля „Даниэли“ во время прилива, а вода у подножия лестницы была два фута глубиной». Увидеть волны Адриатического моря, плещущие в городе, увидеть, как море меняет природу каменных зданий, стоящих вокруг, – это просто волшебство. Луна правит Венецией. Город построен на океанских раковинах и океанском грунте, в нем видна вечность. Он – плывущий мир.

Море воплощает все изменчивое, непостоянное, случайное. Оно – беспокойная и своевольная стихия. Оно возникает в бесконечных вариациях цветов и узоров на поверхности. Картины Тициана и Тинторетто показывают нам «море» света, в котором любая форма изменчива и неопределенна; венецианская школа живописи славится не столько формой или очертанием, сколько текучестью цвета, мазками краски, обладающими собственным весом и объемом. Все находится в движении. Как в венецианской живописи, так и в скульптуре чувствуется влияние моря. Мозаики по преимуществу изображают библейские легенды о море. Скажем, в базилике Святого Марка можно обнаружить «Чудесный улов рыбы», «Хождение по водам» и «Укрощение бури». Есть церкви, которые, кажется, могли бы подняться прямо из царства Нептуна. В барочном интерьере церкви Дезуити, или Санта-Марии дель Ассунты каскады серого, зеленого и белого мрамора имитируют драпировки. Но они больше напоминают волны, волны, которые катятся и падают вниз по стенам церкви, пока не застывают в момент тишины и спокойствия. Когда лучи солнца пронизывают морской мрак интерьера, кажется, что пол зеленого мрамора мог бы служить украшением какой-нибудь подводной пещеры.

Подступающее море меняет восприятие сооружений вдоль венецианских каналов, где здания выглядят изящнее и тоньше. Фасады церквей над поверхностью воды волнообразны, невесомы и изменчивы, словно раковины на дне водоема. Архитектура Венеции в основном горизонтальна, подобно морю. С расстояния, через лагуну, город кажется плоским, протянувшимся вдоль линии горизонта. Он постоянно в движении. Он скорее барочный и маньеристский, чем классический; он мерцает, будто на него смотришь сквозь воду, он изукрашен, словно коралловый риф.

Венецианские ремесленники славились работами по атласу, а блеск и мерцание ткани определили ее название – «мокрый шелк». Работать с шелком называлось в Венеции *dar'onda all'amuer* (создавать волны на море). Существует особый вид венецианского ризотто, более жидкого, чем где бы то ни было, которое известно как *all'onda* (с волнами). Губка, найденная в Эгейском море, называется *enetikos* (венецианская). В последнее столетие в туристских лавочках в Венеции можно купить небольшие украшения, сделанные из раковин жемчужниц, найденных на Лидо, известных как *fiori di mare* (цветы моря). Это единственные местные растения в Венеции.

Существуют и другие глубокие взаимосвязи между местом и духом. Венецианское общество описывается как неустойчивое и непрерывно меняющееся. О венецианской политике сэра Генри Уоттон, английский посол в Венеции в начале XVII века, говорил, что она «неустойчива, как стихия, из которой возник этот город». Вот в чем причина того, почему венецианские историографы настойчиво подчеркивают целостность и стабильность своего общества. Они всегда осознают движение и неутомимость моря в венецианском государстве. В сердце Серениссимы (*La Serenissima*, Светлейшая, Сиятельнейшая – таково торжественное название Венецианской республики) таился ужас перед быстротечностью, как в венецианском моряке жил страх перед морем. Венецианская поэтесса XVI века Вероника Франко писала: «Само море томится по этому городу». Это прекрасно, пока море не подходит слишком близко.

Утверждают также, что характер венецианских жителей подобен приливу: шесть часов подъем и шесть часов падение, как говорит пословица. И правда, венецианцы часто характеризуют себя посредством идиомы: *andara alla deriva*, ее можно перевести так: плыть по тече-

нию. Изменчивость и легкость венецианского темперамента хорошо известны. У венецианцев множество песен и поговорок о море. К примеру: *coltivar el mare elasser star la terra* (возделывать море и оставить в покое землю). Одно время существовало множество популярных песен, начинавшихся фразой *in mezzo al mar* (посреди моря). Посреди моря – что там? Неведомое. Страшное. Посреди моря, если верить песням, возникают странные предчувствия и пугающие видения. Из волн высовывается дымящаяся труба. Здесь же витает образ умершей возлюбленной. В песнях не воспеваются ни очарование, ни горечь моря, скорее это перечисление опасностей и неожиданностей, исходящих отсюда.

В венецианском фольклоре множество легенд и суеверий, связанных с морем. Меняющийся город, который находится между морем и землей, становится прибежищем для пороковых фантазий относительно смерти и возрождения. По свидетельству английского путешественника конца XVI века Файнса Моррисона, в Венеции есть статуя Девы Марии, которой обязательно салютуют проходящие мимо корабли. Восковые свечи вокруг статуи всегда горят в благодарность Деве Марии за то, что она спасает жизни в море. Говорят, что острый нос венецианской гондолы воспроизводит сверкающий клинок святого-воина Теодора. При приближении шторма венецианские моряки вытаскивали из ножен шпаги и клали их крест-накрест.

Море – символ непостоянства. Все появляется из воды и растворяется в ней. Она поглощает все. Не существует свидетельств о том, что венецианцы действительно любили море. Оно, по сути, было их врагом. Байрон говорил, что венецианцы не умеют плавать и одержимы страхом «перед глубокой или даже мелкой водой». Венецианцы всегда гордились тем, что господствуют над морем, но это господство было условным и довольно робким. Постоянно присутствовал страх перед наводнением. Разумеется, море было путем к богатству, но успехи в торговле зависели от милости стихии.

Море воплощало зло и хаос. Оно было жестоким и сеющим распри. Ужас перед полным затоплением тоже был частью дурных предчувствий относительно Божественного гнева. Поэтому существовали церемонии, предназначенные для того, чтобы умиловить бога или богов воды. Они могли быть номинально посвящены христианскому Богу, но в венецианском государстве всегда оставался благоговейный страх более ранних верований.

Город охраняют воды. Во Дворце дождей место для *Magistrato alle Acque* (Магистрата по водным делам, или Властителя вод) украшает надпись: «Город Венеция благодаря Божественному промыслу был воздвигнут на воде, окружен водой, и крепостные стены его – вода. Таким образом, кто бы ни осмелился каким-либо образом нанести вред этим водам, должен быть осужден как враг страны...» Надпись заканчивается утверждением, что «этот закон считается вечным».

Каждую весну, в праздник Вознесения, совершался ритуал, ставший известным как бракосочетание с морем, супругом был дож Венеции, который брал в жены эти бурные воды. После мессы в соборе Святого Марка дож и его свита плыли на *Bucintoro* (церемониальной галере дожа) в сопровождении знати и глав гильдий города. Дождь останавливался у той части Лидо, где воды Адриатики смешиваются с водами лагуны. Патриарх Венеции выливал большую бутылку святой воды в смешивающиеся течения. Воды земли и воды духа становились нераздельны. *Bucintoro* описана Гете как «истинная дароносица», – вместилище, где хранятся Святые Дары. Так корабль становится несущим благословение святым Граалем на водах, участвующим в животворном ритуале.

Стоя на носу судна, дож берет обручальное золотое кольцо и бросает в воду со словами: «Мы берем тебя в жены, о море, в знак истинного и вечного господства». Но какое истинное господство могло быть в таком союзе? Один из символов кольца – плодовитость, поэтому этот праздник можно толковать как одну из старейших церемоний. Он мог также быть актом мольбы, задуманным, чтобы умиротворить море, угрожающее, таящее в себе штормы. Он мог быть и морским вариантом камлания, поскольку издавна существует традиция бросать кольца

в море, чтобы предсказать будущее. Все эти значения соединяются в старинном ритуале союза с морем, который происходит весной в том месте, где «внутри» и «снаружи» сливаются. Как свидетельствуют более поздние данные, одним из наказаний за ересь была смерть через утопление, когда приговоренного бросали в море и предавали смерти в воде. Морскую казнь можно, в свою очередь, рассматривать как жертвоприношение морским богам.

Вскоре после одной из церемоний в праздник Вознесения в 1622 году в Венеции произошло сильное землетрясение. Как только дож и его свита вернулись из торжественной поездки, из-под земли раздался шум, похожий на гром, не прекращавшийся в течение нескольких секунд. Все кругом затряслось, но ничего, кроме одной трубы, не упало. В лагуне случались и другие землетрясения. Это во всех смыслах неустойчивая область. Во время землетрясения 1084 года упала колокольня Сан-Анжело. К концу XII века случились одновременные сдвиги на площади Святого Марка и на острове Торчелло, свидетельствующие о том, что между ними проходит разлом. Сильное землетрясение произошло на Рождество в 1223 году, а в 1283-м за землетрясением последовало мощное наводнение. 25 января 1384 года очередное землетрясение заставило звонить все церковные колокола Венеции; на следующий день за ним последовало еще одно, и так повторялось с перерывами в течение двух недель. Большой канал был пуст, а улицы полны воды.

Погода в Венеции морская; воздух влажен и пропитан солью, что благоприятствует образованию тумана или дымки. Ровный климат отчасти объясняется положением Венеции. Аверроэс, философ XII века, был первым, кто рассчитал, что Венеция находится на широте сорока пяти градусов в средней точке между экватором и Северным полюсом. Это еще один пример необычайно уравновешенного положения Венеции среди географических областей мира. Климат мягкий, напоминающий Северную Италию, поскольку Венеция окружена морем. Весна мягкая и прохладная, сильный ветер дует с Адриатики. Лето бывает знойным и тягостным, но как только солнце скроется за горами Фриули, воздух становится прохладнее, благодаря дующим с моря бризам. Осень – вот время года, когда Венеция проявляет себя в полной мере. Осенний воздух – воздух меланхолии и прощания. Венецианские живописцы, Витторе Карпаччо и Джованни Беллини, заливали свои полотна лучезарным осенним светом.

Здесь, особенно осенью, возможен дождь. В воздухе появляется приглушенный серый цвет, а небо приобретает жемчужный оттенок. Дождь может быть морозящим или проливным. Никакие меры защиты от него не спасают, промокаешь насквозь. Дождь ослепляет. Реки выходят из берегов, а поднявшиеся вокруг Венеции воды становятся нефритово-зелеными. Лучшее описание венецианского дождя можно найти в романе Генри Джеймса «Крылья голубки» (1902), где он пишет о «Венеции с холодным хлещущим дождем с низкого черного неба, злым ветром, неистовствующим в узких улочках, с тем, что все приостановилось и замерло, с людьми, участвующими в этой водяной жизни, столпившимися, в затруднительном положении, без зарплаты...» Город воды блокирован водой, словно природные стихии мстят лишенному природы городу.

«Злой ветер» может прийти из нескольких точек. Восточный ветер дует с моря, освежая в теплые месяцы, но в холодное время года становясь более жестоким. *Bora* (ветер с северо-востока) приносит холодный воздух – из северного региона Адриатики. Со стороны лагуны приходит влажный ветер, известный как *salso* (соленый) из-за содержания в нем соли. Говорят, он пахнет водорослями окружающих вод. Соль и влажность пропитывают дома Венеции, краска отслаивается, куски штукатурки отваливаются от стен. Кирпичи трескаются и в конце концов крошатся.

Бывают порывы ветра, которые очень быстро стихают, и вихри или смерчи. Сэр Генри Уоттон пишет о «вспыхивающем ветре». Все это в природе моря. Есть еще *garbin* (юго-западный ветер). Может быть, именно об этом ветре писал Святой Бернардино из Сиены в 1427 году,

когда спрашивал своего корреспондента: «Вы были когда-нибудь в Венеции? Иногда вечером над поверхностью волн начинается дуть слабый ветер и звучит над ними, и это называется голосом вод. Но означает это милость Господа и дыхание Его». Даже погода в Венеции почиталась священной.

Самый известный ветер – *scirocco* (сирокко, теплый ветер), который дует с юго-востока, он может дуть три-четыре дня. Существует *scirocco di levante* (восточный сирокко, жаркий сирокко) и *scirocco di ponente* (западный сирокко, прохладный сирокко); существует даже ветер, который носит название *scirocchetto* (слабый сирокко). Сирокко полагают виновником склонности венецианцев к сладострастию и лени. Его воздействием объясняют пассивность и даже изнеженность жителей города в лагуне. Почему бы людям не формироваться под влиянием климата в такой же степени, как под влиянием истории и традиций? Погода снаружи может определять или не определять погоду внутреннюю.

Несколько недель зимы могут выдаться суровыми и служить действенным напоминанием об Альпах и северных снегах. Наиболее частые жалобы на погоду – сетования на страшный холод. Зимой 1607/1608 года те, кто охотился на птиц в лагуне, могли замерзнуть насмерть, есть несколько сообщений о путешественниках, которых окружали и загрызали стаи оголодавших волков. В начале XVIII века настал Год льда, тогда провизию в замерзший город привозили на санях. Бывают зимы, когда лагуна замерзает и венецианцы могут пешком дойти до материка. В 1788 году в Бачино, мелкой бухте перед *piazzetta*, жгли большие костры; на льду поставили киоски и прилавки, это был венецианский эквивалент лондонской *Frost Fair* (Зимней ярмарки). В 1863 году в течение месяца с приливом вверх и вниз по Большому каналу плавали льдины. Тогда Венеция была в полной мере замороженным миром, лед покрывал не только воду, но дома и дворцы. Венецианские дома не рассчитаны на холод, большие окна и каменные полы во время метелей делали жизнь в них невыносимой. Но есть все же что-то непередаваемо восхитительное в заснеженной Венеции, белизна превращает ее в зачарованное царство. То, что было текучим, становится хрусталем; тихий город под снежным покрывалом оказывается совершенно безмолвным.

Но зимой бывают недели, когда идет не совсем снег и не совсем дождь. Это дни и недели тумана. Радужная дымка или мгла окружена сотнями туманов, наползающих с моря. Серый истрийский камень становится форпостом тумана, осязаемым часовым тумана, сотканным из мрака. Как у эскимосов существует множество слов для обозначения льда, так у венецианцев – множество имен для тумана: *nebbia*, *nebbietta*, *foschia*, *caligo*. Когда оказываешься окруженным *nebbia*, создается впечатление, что на землю и воду опустились тяжелые дождевые тучи. Ничего не видишь и не слышишь. Иногда туман окутывает весь город, так что слышны только звон колоколов и приглушенные звуки шагов; сев на *vaporetto* (водный трамвайчик), который идет вдоль города, исчезаешь за белой завесой, едва отъехав от берега; все, что остается от Венеции, – фонарные столбы. Город возникнет снова, только когда прибудешь на следующую остановку.

Существуют предвестники наводнения. Воздух становится тяжелым и неподвижным, слышен шум волн, разбивающихся о берег Лидо. Вода в каналах тяжело колыхается, становится зеленее из-за морского прилива. Ветер несет прилив вперед. Вода поднимается до краев *fondamenta* и, что более тревожно, начинает снизу заливать город. Она льется потоком через водоотводы, проступает сквозь булыжники, просачивается сквозь грунт, поднимаясь все выше и выше; она омывает ступени церквей. Город отдан на милость волн, которые, кажется, сам и произвел. Когда звучат сирены, Венеция готовится к очередному приливу.

Acqua alta, заливающая *fondamenta* и *campi*, превращающая площадь Святого Марка в озеро, затекающая в дома и гостиницы, не редкость для города. Один из историков описывает великое наводнение 589 года, хотя, несомненно, их и раньше было немало. Но они были настолько обычны, что заслуживали лишь упоминания вскользь. Сильные наводнения отме-

чены в 782-м и в 885 году, тогда вода заливала весь город. С тех пор они случались не раз. В 1250 году вода поднималась равномерно в течение четырех часов и, по свидетельству современника, «многие утонули в своих домах или умерли от холода». Существовало поверье, что наводнения вызывают демоны и злые духи, а единственная защита от них – обращение к святым, охраняющим Венецию. В более позднее время обращений к сверхъестественным помощникам было меньше. В 1732 году мостовую *piazzetta*, обращенную к лагуне, подняли на треть метра, исходя из расчета, что море в Венеции поднимается на семьдесят шесть миллиметров каждое столетие. Это была недооценка.

Acqua alta – часть природного цикла, случающаяся, когда ветер, прибой и течение сходятся в одной точке. Заключая Венецию в роковые объятия, бора и сирокко могут вызвать штормовые волны в море. Это также феномен *сейшей* (стоячих волн) в относительно неглубоких водах Адриатики. Венеция погружается, кроме прочего, из-за потребления предприятиями воды из артезианских колодцев. Когда воду берут из наносов и глины, уровень грунтовых вод опускается – и вместе с ним Венеция. Углубление фарватеров в лагуне и мелиорация болот тоже усилили опасность затопления.

В каждом столетии случалось по несколько наводнений, но в последние годы они стали чаще и мощнее. В 1920-х их было триста восемьдесят пять; в 1990-х – две тысячи шестьдесят четыре. В ноябре 1966-го наводнение достигло почти двухметровой отметки. Сирокко дул два дня, запирая темную грязную воду в лагуне. Тогда многие решили, что настало время гибели Венеции.

Когда идет дождь, вода накапливается в каменных желобах церквей и домов, бежит по трубам, по водоводам, пока не достигнет подземных водоемов под каждым *campo*. Здесь вода фильтруется сквозь массу песка, прежде чем попасть в колодезную шахту. Она пресная и чистая. *Pozzi* (колодцы) были повсеместно. В середине XIX века в городе оставалось шесть тысяч семьсот восемьдесят два колодца, византийских или готических по конструкции.

В XV веке был затоплен огромный колодец в середине площади Святого Марка. Две обширные общедоступные цистерны были сооружены во внутреннем дворе Дворца дождей, и оттуда *bigolanti* (водоносы) разносили свой драгоценный груз. Это были крестьянки из Фриули в ярких юбках, белых чулках и соломенных или фетровых шляпах; они ходили по Венеции с медными ведерками, выкрикивая: *Acqua – acqua fresca!* (Вода – свежая вода!) Это был печальный, хотя и мелодичный, клич.

Для города, построенного на воде, вода сама по себе священна. Это то, что в Евангелии от Иоанна названо живой водой. Навесы над колодцами были богато декорированы в знак важности содержимого. Их украшали фрагменты алтарей, религиозные скульптуры, камни старинных храмов как символ духовного присутствия. Византийские навесы над колодцами были украшены скульптурными изображениями религиозных символов, включая крест и пальмовое дерево, они представляли собой мраморные цилиндры, какие можно было встретить в любом восточном городе. На готических навесах над колодцами, напоминавших капители больших колонн, были изображения – и натуралистические, и гротескные.

Имеются сообщения о чудесах, происходивших с помощью колодцев или рядом с ними. Во время чумы 1464 года некоего монаха спасла от смерти кружка воды из находившегося поблизости колодца, которую подал ему всадник. Всадник впоследствии был опознан как Святой Себастьян. С тех пор этот колодец стал известен как колодец Святого Себастьяна.

Но колодцы зачастую пересыхали. Венеция, стоящая на воде, время от времени нуждалась в воде. После штормов в колодцы проникала соленая вода. В этом случае к рекам Ботте-нига и Брента посылали корабли, чтобы привезти запас пресной воды. К концу XIX века на материке для обеспечения города питьевой водой были выкопаны артезианские колодцы.

Вода была сутью жизни, колодец служил основой заведенного социального порядка в приходе. Железная крышка, закрывавшая отверстие каждого колодца, открывалась в восемь

утра, поэтому у колодца в течение всего дня толпились люди. Этот сюжет на фотографиях старой Венеции встречается наиболее часто. Колодец определял дружеские отношения и интенсивность общения в приходе. Вода всегда оказывается великим объединителем и уравниателем, и во многих отношениях Венеция считалась эгалитарным городом. Колодец был символом общественной пользы, зримым символом мудрого управления городом.

Но, разумеется, вода является жизнью и дыханием венецианской жизни и в совершенно ином смысле. Венеция наполнена водой, как тело страдающего водянкой, все ее части взаимопроницаемы. Вода – единственный путь для общественного транспорта. Это чудо текучей жизни. Все в Венеции следует рассматривать в отношении к ее водяной форме. Вода проникает в жизнь людей. Они «текучи», кажется, что они противятся ясности и точности. Когда наиболее богатые венецианцы строили виллы на материке, то всегда выбирали места как можно ближе к реке Бренте. Венецианский живописец Тинторетто любил писать текущую и льющуюся потоком воду, это в какой-то мере отражало его дух. В работах Джорджоне и его школы постоянно встречаются колодцы, пруды и озера, свежая и бегущая вода. В мифах и фольклоре вода всегда ассоциируется с глазами и с лечением глаз. Разве удивительно в таком случае, что Венеция – самый привлекательный для глаза город мира?

Постоянное присутствие воды порождает и беспокойство. Вода тревожит. На прогулках следует быть осторожным и внимательным. Все непрестанно меняется. Зачастую черная или кажущаяся клейкой темно-зеленая вода выглядит холодной. Ее нельзя пить. Она бесформенна. У нее есть глубина, но нет объема. Как утверждает венецианская поговорка, «на воде нет пятен». Вода из-за бесформенности служит метафорой человеческого подсознания. Карл Юнг в эссе «Видения Зосимы» (1945–1954) говорит, что дух спрятан в воде, как рыба. Венецию часто изображают в виде рыбы. Эта дивная вода, настоящая на духе, представляет собой круговорот рождений и смертей. Но если вода – образ подсознательной жизни, то она дает убежище странным видениям и желаниям. Близкий контакт Венеции с водой потворствует сексуальным желаниям; говорят, вода расслабляет мышцы, так как человек перенимает ее повадку, и разжижает кровь.

Но Венеция, кажется, застыла в раздумье над своим отражением в воде. Она всматривается в него в течение многих столетий. Поэтому постоянно возникает ассоциация между Венецией и зеркалом. Это первый город, который стал производить зеркала в промышленном масштабе, к XVII веку венецианцы изготавливали самые большие зеркала в мире. Зеркальное стекло было создано в конце XV века. Два величайших венецианских художника, Джованни Беллини и Тициан, изобразили молодых женщин, разглядывающих себя в зеркале. В обоих случаях одно зеркало висит позади головы, а другое поднесено к лицу. Обе картины датируются 1515 годом, всего семь лет назад правительство Венеции получило лицензию на изготовление зеркал на острове Мурано. Эти художники рекламировали венецианские товары широкого потребления или скорее разделяли характерную для венецианцев приверженность к предметам роскоши. Но в то же время они средствами живописи показывали контраст между истинной и зеркальной поверхностью, двойственность, которую в окружавшем их мире они вполне осознавали. Молодая женщина могла быть самой Венецией, задумчиво разглядывающей собственное отражение.

Образ в зеркале может в каком-то смысле служить гарантией подлинности и целостности. Корень нарциссизма кроется в страхе фрагментации, который можно успокоить видом отражения. Дева Мария в «Книге Мудрости» прославляется как «незамутненное зеркало Бога»; а Венеция всегда ассоциировала себя с Мадонной. Но, разумеется, изображение в зеркале это фальшивое «я»; оно статичное, отвлеченное, неуловимое. Считается, что венецианцы всегда осознают собственное отражение. Они всегда умели показать себя и устроить маскарад. Они всегда играли роль. Одним из любимых развлечений венецианской публики в XVIII веке было рассматривать друг друга в театральные бинокли.

В этом городе царит двойственность, и, возможно, потому там процветают двуличность и двойные стандарты. Путешествуя по недавно построенной железной дороге, Рихард Вагнер намеревался «поглядеть вниз с дамбы на отражение Венеции, поднимающееся из воды внизу», но его спутник «вдруг уронил шляпу, когда в восторге высунулся из окна вагона». Отражение вызывает восторг, потому что кажется таким же реальным и живым, как то, что отражается. Когда смотришь вниз, на воду, у Венеции, кажется, нет иного фундамента, чем отражение. Видно только отражение. Венеция и отражение Венеции нераздельны.

На самом деле это два города, и каждый существует лишь тогда, когда на него смотрят.

Глава 3

Зеркало, зеркало

Для Венеции характерна неизменная приверженность внешней стороне вещей. Слова о том, что в городе лишь фасады домов заслуживают украшения или отделки, стали общим местом. Большая часть готических фасадов представляет собой именно ширму, не имеющую отношения к внутреннему устройству зданий. Это одна из самых странных особенностей города, в некоторых отношениях напоминающего декоративную ракушку. Богатые штукатурные и лепные работы могут скрывать разрушающуюся кирпичную кладку. Рёскин рассуждает о «двуличности» собора Святого Марка, где внутренняя и наружная отделка совершенно разные. Город выстроен из кирпича, но замаскирован мрамором.

Совершенно не имеет значения, что за великолепными фасадами венецианские дома зачастую холодные, грязные и неудобные. Подобным образом у владельцев домов показная расточительность сочетается со скупостью и мелочностью при ведении домашнего хозяйства. Таковы были привычки венецианцев. К примеру, не принято было приглашать гостя в дом, внутреннее пространство ограничивалось родственниками и самыми близкими друзьями. В XVIII веке английский поэт Томас Грей заметил, что в домашней жизни венецианцы «экономны до неприличия».

Честь и доброе имя в венецианском обществе были столь же важны, как и в любом другом, но мерилом чести было то, что называлось *bella figura*; так сказать, искусство соблюдать внешние приличия. Одним из важных двигателей венецианской жизни была – и до сих пор остается – боязнь критики. Все должно делаться по правилам, в соответствии с установленными образцами. Эти образцы могут скрывать должностные преступления и коррупцию, но важно, что они неизменны. Это напоминает фасад-ширму венецианского дома.

Двойные императивы видимости и зрелища, замысла и выставления напоказ пронизывают любой уровень и любой аспект венецианского общества. Рассказ XVI века об обанкротившемся банкире из Риальто мимоходом объясняет, что «этот рынок и город Венеция по природе очень склонны прельщаться видимостью и доверять ей». Венецианские живописцы смакуют роскошную внешнюю сторону мира. Архитектуру Венеции отличают уловки и показная роскошь, подобно театральным декорациям. Венецианская музыка всегда была сосредоточена скорее на внешних эффектах, чем на внутренней логике. Литература Венеции была ораторской по своей природе – и в театре, и в народной песне. Ни один другой город-государство в Италии не был так сосредоточен на проблемах риторики и стиля. Характерно, что венецианские потолки – фальшивые, подвешенные где-то под балками. В XVIII веке выставление напоказ, зрелище сделались способом маскировки разложения и провала политического курса. Этот неизменный характерный признак помогает понять сущность города и его жителей.

Современная реставрация многих венецианских зданий – свидетельство неблагополучия, создание в большей степени видимости, чем реальности. В пристрастии к видимости реставраторы создали нереальный город, имеющий весьма слабое отношение к своему прошлому и к своему настоящему. Архитекторы и дизайнеры сосредоточены на том, чтобы повторить эстетические очертания города, но они скорее воображаемые, чем реальные, результат ностальгии и стремления выдать желаемое за действительное. На практике они переделали или модифицировали архитектурный язык прошлого, чтобы он подходил к их собственному заранее составленному мнению относительно того, как в действительности должна выглядеть Венеция. Желобки и кирпичная облицовка были удалены, горизонтальные линии выпрямлены и подчеркнуты, окна изменены, чтобы соответствовать сооружению, балконы сужены ради всеобщей гармонии, мансарды убраны, а барочные детали заменены готическими. По каким-то

причинам яркие оттенки красного и желтого стали встречаться в городе там, где их раньше не было. Такой стиль известен как *ripristino* (создание подделок).

Вот характеристика общего недуга современной Венеции, впервые высказанная немецким социологом Георгом Зиммелем в начале XX века. Он отмечал, что город представляет собой «трагедию поверхности, оставшейся без основания». Это не делает Венецию поверхностной. Напротив. Внимание к поверхности без глубины создает тайну и непостижимость.

Столетиями Венеция была известна производством стекла, теперь доминирующей промышленностью на острове Мурано. В чем привлекательность стекла для морского города? Стекло – материальное море. Море, ставшее твердым, его прозрачность схвачена и обездвигана. Как будто набираете в ладони море и превращаете в парчу. Венеция подходящее место для этого. Писатель Георгиус Агрикола написал в XVI веке об изготовлении стекла в Венеции, что стекло образуется из «легкоплавких камней» и «затвердевших соков» – подходящая метафора положения Венеции между водой и камнем. Песок становится прозрачным. Песок не венецианский, его привозили из Сирии, а потом из Фонтенбло во Франции. Венецианские стекловальщики были самыми умелыми в мире.

Стеклодувы работали в лагуне со времен римлян. В Венеции найдено стекло, относящееся к IV–VII векам, а обнаруженная на Торчелло печь VII–VIII веков свидетельствует об условиях производства, характерных для римлян. В народной традиции всегда утверждалась непрерывность производства стекла на островах, и действительно опыт и навыки передавались там из поколения в поколение. Но большая часть знаний почерпнута стеклодувами из византийских и исламских источников. Это еще один пример равновесия, которое поддерживала Венеция между двумя мирами.

В документе 982 года впервые назван по имени один из стеклодувов, некий Доменико. Венецианская гильдия стеклодувов образовалась в XIII веке. В том же веке из страха перед пожарами мануфактуры по производству стекла были перенесены на остров Мурано. Там они расцвели. Однако в каком-то смысле стеклодувы были узниками государства. Они не могли перемещаться ни в какую другую часть Италии. Раскрыть какой-либо секрет венецианского производства стекла значило навлечь на себя смерть. Любого работника, бежавшего на материк, выслеживали и при возможности насильно возвращали. Так подчеркивалось значение этого ремесла для венецианской экономики, а, может быть, и нечто большее. Изготовление стекла было жизненно важно для экономических успехов города.

Было бы абсурдным предполагать, что рабочие на Мурано считали себя притесняемыми или вынужденными работать в атмосфере страха, однако угроза государственного наказания красноречиво свидетельствовала о постоянном присутствии государства во всех аспектах венецианской жизни. Это общество ни в каком смысле не было свободным. Оно было островным и потому закрытым.

Венецианские стеклодувы производили кубки и кувшины для умывания, бутылки и фляги, бусины и чаши, лампы и оконные стекла, кувшины и линзы, а также целый ряд декоративных предметов из *crystallo*, поддающейся обработке разновидности стекла, обладающего прозрачностью и блеском горного хрусталя. Мастера могли изготовить настолько тонкое стекло, что, как говорили, оно разлеталось на куски при соприкосновении с ядом. Рабочие Мурано создавали стекло молочного цвета, имитирующее структуру льда, стекло с вкраплениями кристаллов меди. Разновидности стекла напоминали мрамор, металл или фарфор. Начиная с XV века венецианское стекло становилось все более искусным и украшенным. В тот период, когда Венеция сделалась поставщиком роскоши любого вида, оно приобрело статус роскоши. Изготовленные предметы становились все бесполезнее и дороже. В 1500 году один из современников писал о производстве муранского стекла: «Не существует драгоценного камня, которого не

могло бы имитировать производство стекольщиков в прекрасном состязании человека с природой».

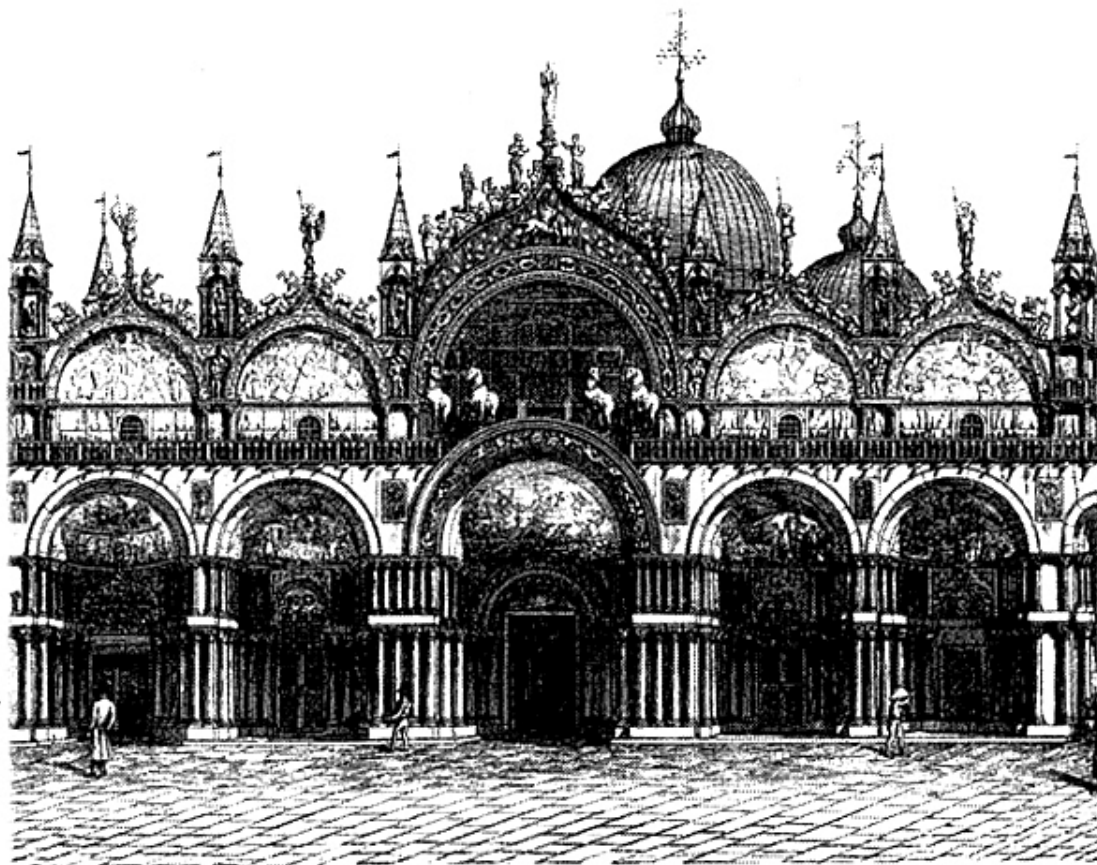
Венеция уже была втянута в это состязание, прекрасное или напротив, много веков назад. Вот еще одна причина ее замечательной приспособленности к такому ремеслу. Английский писатель и путешественник Джеймс Хауэлл в середине XVII века поражался, как огонь печи может «превратить маленькую кучку темной пыли и песка в такое драгоценное чистое вещество, как хрусталь». Но разве Венеция не проделала подобное превращение с самой собой, разве она не возникла из темной пыли и песка своих начал? Из этой пыли и песка появился хрустальный город. Мосты, церкви и дома поднимались и становились все просторнее. Приезжая в Мурано посмотреть на искусную работу стеклодувов со шпателем и пинцетами, путешественники постигали природу и становление этого прозрачного города.

Часто говорят, что лагуна напоминает расплавленное стекло. В самом деле, стекло стало метафорой самой Венеции. Существовала поговорка: «Первая красивая женщина, которая когда-либо была создана, была из венецианского стекла».

Стекло прозрачно, невесомо, оно пронцаемо, оно проводит цвет и свет. У стекла нет объема, оно все – поверхность, идущая рябью или волнами, где внутреннее и внешнее – одно и то же.

Венецианские живописцы учились у сограждан, работавших у печей. Они учились смешивать цвета, создавать ощущение текучих, расплавленных форм. Живописцы буквально заимствовали материал у мастеров стекольных дел. Они смешивали крохотные кусочки стекла со своими красящими пигментами, чтобы передать мерцание и прозрачность, которые видели в окружающем мире. Стекло светится, оно покрыто пятнышками пены, покрыто рябью и волнами, оно обладает огромным прозрачным спокойствием, в нем есть более темные прожилки, оно текуче. Стало быть – стекло, как и Венеция, родом из моря.

II Город Святого Марка

Глава 4

Пришествие святого

В ранней истории Венеции произошло очень важное событие. В 828 году туда привезли то, что считается мощами великого евангелиста, самого Святого Марка, и это полностью изменило характер и статус города. Рассказ об этом в основе своей оставался неизменным в течение веков.

Речь идет о венецианских купцах – представителях класса, который с самого начала играл ведущую роль во всех делах венецианского государства. Буоно с Маламокко и Рустико с Торчелло поехали по торговым делам в порт Александрию. В чужой земле они разговорились со священниками церкви Святого Марка, отвечавшими за сохранность мощей святого мученика, помещенных в древний саркофаг. Священники сетовали на гонения, которые католикам приходилось терпеть от сарацин, и опасались, что их прекрасную церковь могут ограбить и даже разрушить. Венецианцы выслушали их с большим сочувствием. А затем предложили священникам вернуться вместе с ними в Венецию. По словам купцов, священники могли бы взять с собой мощи Святого Марка, и это пошло бы в счет платы за путешествие. Несмотря на некоторые опасения, священники согласились.

Сняв шелковый покров, мощи Святого Марка вынули из саркофага, заменили другими, менее известного святого. Потом мощи Святого Марка поместили в сундук, спрятав под слоем свинины и капусты, и пронесли на борт венецианского корабля. Мусульманские чиновники, захотевшие осмотреть сундук, увидев свинину, закричали: *Kanzir! Kanzir!* (Ужас! Ужас!) и прекратили досмотр. А после выхода из порта мощи, для безопасности, завернули в парус и подвесили к нок-рее. Когда же корабль вышел в открытое море, священный груз в окружении свечей и кадил положили на палубе.

Таким образом евангелист был благополучно перевезен в Венецию, но еще во время путешествия по Средиземному морю совершил ряд чудес.

Все благоприятствовало его прибытию. Таинственным образом Марк дал знать своим хранителям, что хочет, чтобы его отнесли во Дворец дождей, а не в кафедральный собор, возводившийся на Оливоло. Мощи поместили в пиршественном зале.

На том месте, где сейчас находится базилика Святого Марка, была построена часовня. Ее воздвигли на месте фруктового сада.

Приверженность Святому Марку вскоре превзошла приверженность предыдущему святому, Теодору, и в его честь была построена огромная базилика. Дворец дождей нуждался в святыне, чтобы укрепить собственную легитимность, и, как можно предположить, святыня нуждалась во дворце, альянс между ними мгновенно повышал и статус дожа, и силу общины. Если находился кто-то настолько безрассудный, чтобы усомниться в рассказе о Божественном трофее, согласно позднему венецианскому историку, нужно было «дать ему приехать в Венецию и увидеть прекрасную церковь монсиньора Сан-Марко, и посмотреть на фасад этой прекрасной церкви», на мозаики, правдиво изображающие всю эту историю. Возможно, такое свидетельство нельзя представить суду, но оно в достаточной мере доказательно для благочестивых верующих. Мозаики – лишь самый явный пример культа Святого Марка. На большой арке, над правыми хорами базилики, можно найти сцену погрузки мощей Марка, там же корабль, плывущий в Венецию, там же сцена встречи мощей в городе.

Мозаики конца XII века светятся благодаря тому, что изготовлены согласно византийской традиции. Мозаика – это филигрань на серебряной поверхности Венеции.

С самого начала культ Святого Марка был столько же светским, сколько религиозным. Он сделался иконой и эмблемой Венеции (вместе с крылатым львом – символом евангелиста Марка), но всегда ассоциировался скорее с дожем, чем с епископом. Явное похищение

мощей не представляло собой проблемы. Вскоре возникла легенда, что Марк, прежде чем сделаться епископом Александрии, был епископом Аквилеи, города, расположенного к северу от лагуны. В любом случае факт, что перемещение было совершено с благословения самого Марка, доказывал милость последнего. Желание Господа исполнилось. Иначе похищение не было бы успешным. Это один из тех нуждающихся в доказательстве доводов, которые так трудно опровергнуть.

В XIII веке был добавлен другой пласт этой истории. Утверждали, что Святой Марк однажды искал убежища от бури и чудесным образом укрылся на острове Риальто. Здесь, на месте будущей Венеции, ему явился ангел и провозгласил: *Pax tibi, Marce. Hic requiescat corpus tuum.* (Мир тебе, Марк. Твое тело когда-нибудь упокоится здесь.) Разумеется, ни одного исторического свидетельства о том, что евангелист когда-либо посещал лагуну, не существует.

В любом случае, первоначальный вариант легенды вызывает много вопросов, не в последнюю очередь относительно фантастической цепи событий, которая привела к *translatio* (переносу) Марка. Что это своего рода похищение, кажется несомненным. Что святые мощи нашли приют в Венеции, тоже несомненно. Они могли быть или не быть мощами Святого Марка. Это могли быть любые древние мощи, окутанные благочестивым обманом не хуже любого иного покровы. Похоже, на деле купцы были посланы в Александрию дожем именно с заданием получить мощи. Их перемещение в Венецию должно было поднять как священную власть дожа, так и значение Венеции. Венеция и Марк могли соперничать с Римом и Петром. Интересно, что Марк в свое время был секретарем Петра, и Петр ссорился с Марком из-за его непослушания и недостаточного благочестия; те же обвинения выдвигались против Венеции некоторыми Папами. Со времени *translatioy* Венеции начались самые сложные отношения с Римом, никогда не уступавшим в религиозных делах первенства Понтифика.

Из этого *translatio* вытекало еще множество последствий. Присутствие святого, как считалось, защищало Венецию от нападения или блокады и, таким образом, поддерживало веру в провозглашенную ею собственную неуязвимость. Венеция прожила, невредимая, до времен Наполеона. Благословение святого должно было также объединить острова лагуны под властью Венеции, и эта политическая и социальная перемена действительно произошла в течение двух или трех веков. Ходили слухи, что голова евангелиста осталась в Александрии, но венецианцы настаивали на целостности мощей. Целостность мощей служила также отражением аналогичной природной взаимозависимости островов лагуны.

Было важно и то, что святой прибыл по морю. Море стало настоящей стихией Венеции, и не было лучшего способа освятить его, чем представить сверкающим путем Божественного покровителя. На мозаиках базилики подчеркнут образ корабля на волнах. В более поздней легенде трое святых – Марк, Георгий и Николай, – взяв у рыбаков лодку, утихомиривают затеянный демонами шторм в лагуне. Сходя с лодки, Марк дарит рыбаку золотое кольцо, которое тот, в свою очередь, передает дожу. Власть над морем передается от святого к рыбаку, а потом к вождю. Это один из основополагающих мифов о Венеции, связанный с постоянной борьбой города с водой.

Здесь есть и связь с вопросом свободной торговли, от которой зависела Венеция. Во времена переноса мощей Марка на торговлю христиан и сарацин было наложено эмбарго византийского императора. Но вопреки запрету два купца перевезли священный груз из Александрии, возможно, тем самым расчистив путь для менее драгоценных грузов – товаров широкого потребления. Это было выпадом против императора и хорошим предзнаменованием для купцов. Если не можешь заниматься сельским хозяйством, как говорили венецианцы Папе, который выражал недовольство тем, что они торгуют с неверными, тебе остается ловить рыбу. И святых. Говорили, что когда в Александрии открыли саркофаг, город наполнился восхитительным ароматом, похожим на аромат «сладких пряностей». А венецианские торговцы славились торговлей пряностями.

Мощи были залогом независимости Венеции. Прежний хранитель города, Святой Теодор, был явно византийского происхождения. Заменяв Теодора Марком, Венеция обеспечила себе контроль над собственной судьбой. Святой Марк стал синонимом Венеции. Кажется, что половина венецианцев до сих пор получает при крещении имя Марко. Красный флаг Святого Марка стал венецианским штандартом. Крылатый лев везде. Удивительные, если не чудесные, события 828 года гарантировали сущностную и окончательную автономию Венеции.

В 976 году в Венеции в ходе восстания против правящего дожа произошел большой пожар. Собор Святого Марка уничтожил огонь. Можно было бы предположить, что мощи тоже погибли в огне. На самом деле они, по всей вероятности, были «утрачены» до 1094 года, когда по странной случайности часть колонны упала, открыв останки евангелиста. Было действительно чудом, что они уцелели при сильном пожаре. Вопреки всему – святой остается с нами. До самых последних лет сообщается, что его останки лежат под высоким алтарем Святого Марка. Летом 1968 Папа Павел VI вручил некий фрагмент мошей евангелиста делегации иерархов Коптской церкви, но утверждал, что остальное по-прежнему в Венеции. Большой палец Святого Марка, как и золотое кольцо, которое он дал рыбаку, до сих пор хранятся в сокровищнице базилики. Древние кости продолжают жить в воображении людей.

Существует еще одно напоминание об этом святом, встречающееся по всему городу. Лев Святого Марка – эмблема Венеции; его можно встретить в виде барельефа или статуи, каменного и бронзового. Львов можно обнаружить на Дворце дожей и на часовне дожа, львы стоят перед венецианской верфью, они охраняют дворцы и общественные места. Каждое общественное здание Венеции когда-то несло на себе изображение этого зверя. Крылатый лев стоит на колонне у гавани. Лев был символом – религиозным и политическим. Лев означает власть и патернализм. Он также символ справедливости. Эти ассоциации связаны между собой.

Религиозные коннотации льва как спутника евангелиста ясны. Но лев может быть и жестоким. Он может быть агрессивным. Это способ символизировать мощь Венеции, если ее рассердят. Надпись, датированная серединой XV века, гласит: «Смотри на крылатого льва! Я смиряю землю, море и звезды». Льва Святого Марка часто изображают с задними лапами в воде, а передними на суше, что означает претензии Венеции на господство и над морем, и над материком.

Глава 5

Прибежище

Венеция воспринимается как большой корабль на море. Из-за непрерывного движения воды иногда возникает впечатление, что почва Венеции тоже движется, наподобие палубы корабля. В XIX веке Ральф Уолдо Эмерсон писал в дневнике о пребывании в Венеции: «Кажется, будто ты все время на море».

Образ государства как корабля известен, но приобретает особую уместность в городе, который чуть ли не плывет. Говоря о руководстве республикой, Франческо Фоскари, дож, правивший Венецией в начале XV века, интуитивно прибег к языку моря. Он рассуждал о парусах и снастях, о ветре и течении так, что чувствовался его опыт моряка-практика. Этот язык венецианцы понимали хорошо. К примеру, проводилась аналогия между строительством в городе и постройкой корабля. Видя перед собой уже построенный корабль, трудно представить, как он выглядел, имея только шпангоуты и киль. Подобным образом нелегко определить, какова изначально была Венеция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.